

ВОПРОСЫ ПСИХОСИСТЕМАТИКИ

Е. И. Бейн (Таганрог)

МОДАЛЬНЫЕ НАРЕЧИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

(опыт психосистематического анализа)

L'application de la méthode psychosystématique à l'étude des parties du discours. L'analyse comparative du signifié des adverbes proprement dits et des adverbes de modalité permet d'établir la nature particulière de ces derniers et leur rapport au paradigme de l'adverbe.

Модальные наречия — слова, выражающие отношение говорящего к высказыванию (оценка, сомнение, предположение и др.), — довольно часто рассматриваются как один из лексико-семантических разрядов класса наречий. На основании формального критерия неизменяемости в класс наречий включаются слова, не имеющие сходства в семантическом и синтаксическом плане с традиционно выделяемыми наречиями, слова, которым не нашлось места среди других частей речи. Парадигма наречия действительно включает единицы, очень разнообразные на первый взгляд, как, собственно, разнообразны и обстоятельства, для выражения которых они используются на уровне предложения, и условия, в которых протекает действие в реальной действительности.

Так, например, еще в описательной грамматике Л. Мегрэ, сделанной в XVI в., список лексико-семантических характеристик, выражаемых наречиями, включает семнадцать наименований. Если же внимательно присмотреться к списку, составленному Л. Мегрэ, то видно, что на самом деле речь идет о более мелких лексических группировках внутри следующих лексико-семантических разрядов наречий: 1) наречия, сопоставимые с наречием-субститутом *comment* и выражающие качественный признак; 2) наречия, сопоставимые с наречием-субститутом *combien* и выражающие количественный признак; 3) наречия, выражающие пространственные отношения и сопоставимые с наречием *ici*, выражающим общие пространственные отношения; 4) наречия, выражающие временные отношения и сопоставимые с наречием *maintenant*, выражающим общие темпоральные отношения. Эти лексико-семантические разряды связаны с логическими категориями (качество, количество, пространство, время), которые являются также философскими категориями, отражающими наиболее существенные закономерные связи и отношения реальной действительности.

Модальные наречия не входят в приведенную выше логическую классификацию, а относятся к сфере эмоционального. В историческом плане их появление во французском языке относится к XI-XII вв. Количество их было невелико, из 323 наречий, зафиксированных в словаре В. Ф. Шишмарева, только 22 являются модальными. Среди них почти не встречались образования с суффиксом *-ment*, что, напротив, характерно для современного языка. Большинство слов, имеющих модальный оттенок, употреблялось и с другим семантическим значением, чаще это значение качественной характеристики признака, выраженного глаголом-сказуемым.

В современном языке среди модальных слов можно выделить слова с наречным суффиксом *-ment* (*vraiment*), слова, в основе которых лежит синтаксическая конструкция (*peut-être*), и слова, не имеющие внутренней формы, немотивированные (*certes*). Кроме собственно модальных слов есть большое количество наречий, которые в силу особенности своего лексического значения могут выступать в функции модальных слов. Такие наречия в большинстве своем образованы от прилагательных, которые передают признаки субъективной модальности: *juste, vrai, sûr* и др. Они лишены номинативной функции.

Модальные слова привносят в текст определенное модальное (оценочное) значение. Типы оценки, выражаемые модальными словами, весьма разнообразны. Это определение: 1) достоверности или недостоверности: *Vraiment, tu exagères!*; *Ce n'est pas vraiment malin*; 2) уверенности или сомнения: *Tu viendras demain?* — *Sûrement (sûrement pas)*; 3) положительной и отрицательной оценки: *Heureusement, mes ennemis ignoraient cette malfaçon de mon arme*; *Je ne pourrais malheureusement venir*; 4) предположения: *Il ne pleuvra probablement pas*; *Est-ce qu'elle est venue?* — *Probablement*; 5) противопоставления: *Rien ne semblait changé dans sa vie, néanmoins il avait repris espoir*; 6) закономерности: *Régulièrement, elle devrait être reçue, car elle a bien travaillé*.

Кроме того, некоторые модальные слова сочетают в себе основное модальное значение с союзным, что определяется характером лексического значения этих слов. Союзная функция модальных слов заключается в том, что они выражают отношения между отдельными частями высказывания. Модальные слова могут уточнять сказанное ранее: *Les fruits sont chers, et notamment les fraises*; выражать вывод или заключение: *Revenons donc à ce qui nous intéresse*; *Des arbres arrachés, des moissons perdues, des routes inondées: un vrai désastre enfin*; усиливать или ограничивать утверждение: *Naturellement, il est d'accord*. В последнем примере модальное слово функционально сближается с частицей: конечно же, он согласен.

Особый статус модальных слов проявляется также на синтаксическом уровне, они имеют ряд формальных признаков, отличающих их от наречий. В отличие от наречий модальные слова могут замыкаться в отрицательную

форму: *Il ne l'aime vraiment pas*. Ср.: *il ne l'aime pas vraiment*. Кроме того, они могут формировать отдельное высказывание: *Vous pensez éviter le danger? — Certainement*. Модальные слова обладают способностью к независимому употреблению, возможностью образовывать односоставное предложение: *Probablement qu'elle a eu un empêchement*.

Объяснить вышеприведенные примеры можно на основе системных характеристик рассматриваемых языковых единиц, исходя из позиционной характеристики их означаемого в системе. Не поверхностный, а глубинный анализ на уровне означаемых опирается на гийомовский постулат о том, что разнообразные речевые реализации любой языковой формы исходят из позиционного, или системного, значения этой формы [Скрелина 1980: 30].

Основным компонентом означаемого наречия является характер его инцидентности, т. е. его отношение к другим элементам системы, его языковая предрасположенность к выполнению определенной синтаксической функции. Гийомисты подчеркивают преимущество использования этого критерия, так как идея инцидентности содержит, по словам Ж. Муанье, весь синтаксис. Благодаря этому понятию объединяются как системные (языковые), так и функциональные (дискурсивные) характеристики слова, т. е. инцидентность — это и оперативный механизм образования слов, и категориальная характеристика слова, и его потенциальная функция в предложении.

Семантический механизм инцидентности — основной критерий, определяющий частичную принадлежность слова, — разный у собственно наречий и модальных наречий. По характеру означаемого собственно наречия, какими бы разнообразными они ни были в плане структуры или лексического значения, одинаковы с точки зрения их главного глубинного признака — внешней инцидентности 2-й степени.

Характер системной соотнесенности наречия, языковая операциональность реализуется в семантико-синтаксических связях на уровне речи. Инцидентность — это термин, указывающий не только на системный механизм частей речи, но и на функциональные семантико-синтаксические связи слов в предложении [Скрелина 1977: 36], что выражается в двойной векторной направленности: на имя и на глагол. Подобным образом ведут себя и функциональные эквиваленты наречия, дискурсивные наречия в терминологии Г. Гийома, что может быть залогом их дальнейшей адвербиализации, ибо инцидентности — это и оперативный механизм превращения дискурсивных единиц в языковые [Guillaume 1973: 226].

Кстати, характер грамматического значения наречия (формального означаемого) определяет и форму его означаемого в плане выражения. Внешняя инцидентность второй степени выступает гарантом синтаксической неизменяемости наречия. Инцидентность наречия не прямая, как у прилагательного и глагола, а опосредованная, ибо оно не соотносится непосредственно ни с существительным, ни с глаголом, ни с прилагательным, а является инцидент-

ным инцидентии глагола или прилагательного существительному, т. е. тем отношениям, которые существуют между ними. Именно поэтому наречия не зависят от подчинительных связей слов, возникающих в предложении, и не имеют, следовательно, флективных форм словоизменений, которые указывали бы на эти связи.

Инцидентия наречия в тексте может быть ранней или поздней в зависимости от лексико-семантического разряда, к которому оно принадлежит [Moignet 1963: 176-177], однако как обстоятельство наречие всегда обладает двойной связью, отражающей его опосредованную зависимость в системе частей речи (инцидентия второй степени). С одними членами предложения (сказуемое, определение) оно связано непосредственно, а с другими (подлежащее, дополнение) — опосредованно. Внешняя инцидентия 2-й степени указывает на то, что грамматическая опора для значения наречия (логическое лицо) находится вне пределов слова, но ограничена рамками предложения [Скрелина 1981: 27].

Модальные наречия не имеют непосредственной или опосредованной связи с другими членами предложения, так как они присоединяются к предложению после того, как внутрифразовая инцидентия завершена. Они инцидентны предложению в целом, их часто называют фразовыми наречиями (*adverbes de phrase*) в современной грамматике [Grellson 1981]. Так, в предложениях: *Il répond naturellement; Il a réussi heureusement* — инцидентия наречия ранняя, внутрифразовая. Наречия *naturellement, heureusement* имеют значение качественной характеристики признака, выраженного глаголом-сказуемым. В предложениях: *Naturellement, il répond; Heureusement, il a réussi* — наречия *naturelement, heureusement* автономны, синтаксические связи с другими членами предложения отсутствуют.

В теории психосистематики наречие имеет совершенно четкую позицию в системе частей речи — завершающий этап формирования предикативных частей речи [Guillaume 1971: 153-155]. На синтаксическом уровне предполагается, что наречие или его функциональный эквивалент не может выходить за рамки предложения, что не исключает их синтаксические транспозиции. Модальные наречия присоединяются тогда, когда операция построения предложения завершена, т. е. они трансцендентны всему предложению. По сути это отдельные предложения, их можно сравнить с такими безличными предложениями, как: *Il est vrai, il est possible*.

Смещение семантических и синтаксических признаков в модальных словах, традиционно относящихся к наречиям, позволяет говорить об их особом статусе — внесистемности. Модальные наречия могут рассматриваться как вводные слова формально и функционально изолированные от парадигмы наречия.

Литература

- 1) Скредина Л. М. Теория частей речи и понятие инцидентности // Иностранные языки в школе. 1977. № 6. — С. 29-38.
- 2) Скредина Л. М. Систематика языка и речевой деятельности. — Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1980. — 39 с.
- 3) Скредина Л.М. Систематика языка и речевой деятельности: Методы исследования. — Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1981. — 39 с.
- 4) Grelsson S. Les adverbes en -ment. Etude psycho-mécanique et psychosystématique. — Jund, C.W.K., Gleerup, 1981. — 246 с.
- 5) Guillaume G. Leçons de linguistique, 1948-1949. — Quebec: Presses Univ. Laval, 1971. — 222 p.
- 6) Guillaume G. Leçons de linguistique, 1956-1957. — Quebec: Presses Univ. Laval, 1973. — 256 p.
- 7) Moignet G. L'incidence de l'adverbe et l'adverbialisation des adjectifs // Travaux de linguistique et de littérature. 1963. №1. — P. 175-194.

Н. В. Боровикова (Архангельск)

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ НА БАЗЕ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ-АНТРОПОНИМОВ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Cet article présente une tentative de répondre à deux questions. Pourquoi la dérivation du nom propre est généralement considérée comme faible, voire nulle? Quels noms propres peuvent devenir la base des dérivés? Nous nous intéressons en particulier aux antroponymes qui causent de vrais problèmes quant à leur analyse. L'article se divise en trois parties. Nous nous adressons tout d'abord à la question de la terminologie car il existe un certain flottement terminologique dans la désignation du phénomène linguistique étudié. Nous présentons ensuite la méthode vectorielle qui nous donne la possibilité d'atteindre notre but. Enfin, nous examinons des antroponymes et leurs dérivés du point de vue des relations sémantiques établies entre eux.

Под словообразованием, или деривацией, принято понимать образование новых слов по существующим в языке образцам и моделям. Одним из основных способов словообразования во французском языке является аффиксация. Аффиксы (префиксы и суффиксы) в теории психосистематики рассматриваются как морфемы с одинарной или двойной силой. Им отводится важная роль как средствам выражения экономии в языке [Скредина

2009: 304-305]. Во французском языке аффиксы могут быть присоединены к основам разного типа. Мы бы хотели обратить внимание на словообразование на базе имени собственного-антропонима. В настоящее время в отношении производных от имен собственных высказываются неоднозначные мнения. Это связано с разногласиями, возникающими при изучении самих имен собственных. Основные исследования в этой области проводятся зарубежными лингвистами. Например, решением данной проблемы занимаются такие известные ученые, как Ж. К. Буланже, М. Н. Гари-Приер, К. Жонассон, Ж. Молино и др.

В лингвистике существует несколько терминов для самого процесса словообразования на базе имени собственного и образований, полученных в результате этого процесса. Процесс обозначают как «ономастизм», «отномастическое словообразование», «эпонимия». Для дериватов предлагают термины «ономастизм» или «эпоним» [Cormier 1995: 103].

Теоретически основой для образования новых слов может стать любое имя собственное. Среди образований есть как устойчивые слова, закрепившиеся в языке (например, названия жителей различных стран, городов: *Bolivien, Niçois*), так и слова, спонтанно возникшие и уходящие вместе с интересом носителей языка к какому-либо явлению (например, названия направлений в искусстве или в политике, названия широко рекламируемых предметов обихода и т. п.: *jospinisme, chiraquien, obamisme*).

Последние вызывают наибольшие споры у исследователей и представляют для нас особый интерес. Этот интерес объясняется несколькими причинами. Во-первых, большая часть подобных образований имеет в основе имена собственные-антропонимы. Во-вторых, такие дериваты требуют особого изучения, поскольку они могут образовываться только как следствие глубоких изменений в семантической структуре имени собственного-основы. Эти изменения мало изучены, поскольку авторы ограничиваются, как правило, описанием структуры новых слов, не интересуясь внутренней стороной изучаемого явления.

Среди прочих работ выделяется исследование С. Леруа [Leroy 2005], которая не только описала дериваты и возможные модели их образования, но и предложила объяснение рассматриваемого явления путем анализа метафорических и/или метонимических изменений в семантике имени. Мы попытались взглянуть на данные, полученные С. Леруа, с точки зрения нашего собственного подхода к именам собственным-антропонимам и с точки зрения теории психосистематики. Некоторые идеи, явившиеся результатом этих размышлений, представлены в настоящей статье.

Как известно, основным методом психосистематики является метод векторного анализа, позволяющий описать и объяснить многие явления в языке и речи, в том числе и такое сложное явление, как имя собственное-антропоним. Данный метод оперирует понятиями «вектор» и «тензор». Термином

«вектор» передается значение движения мысли в определенном направлении (от общего к частному или от частного к общему). Понятие «тензор» передает идею сужения или расширения движения от общего, как более широко, к частному, как более узкому, и обратно, а также поступательность этого движения и возможность его остановки [Гийом 2004: 188-189].

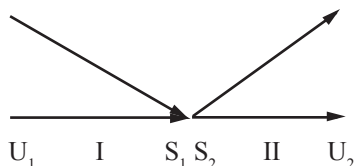

Рис. 1

В теории психосистематики любое слово рассматривается как языковая единица (не речевое, а готовое к употреблению в речи языковое образование) [Скрелина 1997: 16]. Значение слова формируется двумя компонентами. Первый компонент — опора, логическое лицо. Второй — вклад, признак в широком смысле [Гийом 2004: 30, 120-123]. В традиционной терминологии частную информацию о логическом лице, носителе имени (то есть опоре) связывают с денотатом. Общие признаки (вклад), на основе которых производится отнесение предметов к тому или иному классу, рассматривают в рамках сигнификата [Арутюнова 1999: 2-12]. Для антропонимов можно точно определить как минимум два компонента вклада: «одушевленный» и «человек». После имянаращения имя собственное становится идентификатором одного конкретного лица в определенной ситуации общения или в рамках конкретного высказывания. Происходит движение от бесконечно большого количества объектов, имеющих потенциальную возможность именоваться определенным именем, к единственному объекту, то есть движение от общего к частному, которое изображено на тензоре I (рис. 1).

Сужение объема в рамках тензора отражает уменьшение количества потенциальных именуемых. В конце первого тензора формируется имя собственное с определенным набором компонентов опоры и вклада, которые претерпевают некоторые изменения при дальнейшем использовании имени собственного. С накоплением информации о носителе имени, логическом лице, опорная часть значения имени собственного вбирает дополнительные структурные компоненты, т. е. происходит движение в сторону расширения, которое отражено на тензоре II (рис. 1).

Процесс изменения значения имени собственного на этом, как правило, завершается, однако иногда имеют место последующие преобразования (например, в случае с именами известных политических деятелей или ярких персонажей художественных произведений). С течением времени может выделиться какой-либо существенный признак логического лица, который

закрепляется за именем собственным. При этом происходят изменения в структуре значения имени собственного: компоненты опоры становятся компонентами вклада. Процесс выбора частного из общего числа признаков может быть представлен в виде третьего тензора — тензора партикуляризации (рис. 2).

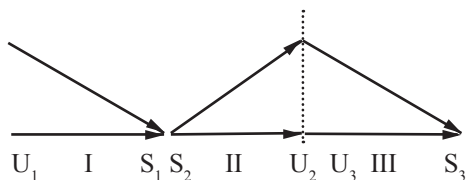

Рис. 2

Указанные изменения часто приводят к трансформации имени собственного в имя нарицательное.

Далее рассмотрим имя собственное-антропоним на каждом из представленных этапов как потенциальную основу для образования новых слов.

К тензору I могут быть отнесены все имена собственные-антропонимы как элементы системы языка, к тензору II — имена в обычном их использовании для называния людей в некоторой ситуации общения. Подобные «обычные имена собственные» (*Paul, Pierre, Jean-Jacques, Mireille, Dubois, Martin, Lejeune* и т. д.) не ассоциируются ни с известными политиками, деятелями культуры или других направлений, ни с общеизвестными персонажами сказок, мифов, художественных произведений и пр. Вследствие этого они не могут служить основой для словообразования [Jonasson 1994: 34]. Данный факт констатируется многими исследователями затронутого в статье вопроса. В результате часто делается противоречащий реальной ситуации вывод, что имя собственное-антропоним в принципе не может служить основой для словообразования.

Только исследования в рамках третьего тензора позволяют понять, каким образом имя собственное-антропоним получает данную способность. Эта способность напрямую зависит от тех изменений, которые претерпевает семантика имени при переходе на рассматриваемый этап развития: выделившиеся и перешедшие во вклад признаки логического лица формируют основу значения будущего деривата и делают возможным его существование.

В исследованиях С. Леруа было сделано важное наблюдение о том, что в некоторых случаях одно и то же имя собственное может становиться основой для образования слов с разным значением. Например: *Goncourt* → *goncoursque*, *Goncourt* → *goncourable*; *Marx* → *marxien*, *Marx* → *marxiste*; *Sade* → *sadien*, *Sade* → *sadique* [Leroy 2005]. Мы полагаем, что такая способность имен собственных-антропонимов зависит от глубины изменений в

семантике имени. Анализ подобных изменений с помощью векторной методики позволяет предположить, что дериваты с разным значением формируются в местах разных остановок мысли при движении по третьему тензору (рис. 3), т. е. при различной степени переосмысления имени.

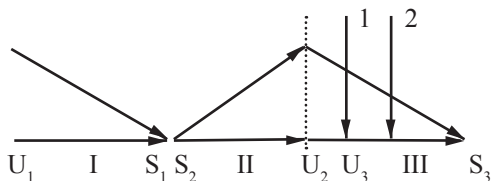

Рис. 3

Проанализируем с указанной точки зрения имя знаменитого французского физика А.-М. Ампера. Носителями французского языка слово *Ampère/ampère* ассоциируется с двумя носителями. Первый — сам А.-М. Ампер (*Ampère*), второй — единица измерения силы электрического тока, которую он открыл (*ampère*). В первом случае имя собственное устойчиво закрепилось за конкретным носителем, но степень переосмысления мала. Остановка осуществляется максимально близко ко второму тензору (точка 1 на рис. 3). Имя *Ampère* в данной точке дает производное *ampérien* — имя прилагательное со значением ‘*qui ce rapporte aux théories d’Ampère*’ [Larousse 1997: 71]. Ср. также: *Marx* → *marxien*, *Sade* → *sadien*, *Pasteur* → *pasteurien*, *Machiavel* → *machiavélien*.

Ко второй точке относится слово *ampère*, зарегистрированное в словарях с 1881 г. со значением ‘*unité de mesure d’intensité de courant électrique (symbole A) équivalant à l’intensité d’un courant constant qui, maintenu dans deux conducteurs parallèles, rectilignes, de longueur infinie, de section circulaire négligeable et placés à une distance de 1 mètre l’un de l’autre dans le vide, produit entre ces conducteurs une force de 2.10⁻⁷N/m*’ [ibid]. Единица *ampère* дает производные, в значении которых не упоминается имя первоначального носителя. Например: *ampérage* ‘*intensité d’un courant électrique*’. Ср. также: *Marx* → *marxiste*, *Sade* → *sadique*, *Machiavel* → *machiavélique*, *Pasteur* → *pasteuriser*.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что способность имени собственного, в том числе и имени собственного-антропонима, быть основой для образования новых слов зависит от его семантики. Имя собственное-антропоним может служить основой для словообразования только при условии закрепления некоторых признаков конкретного носителя в значении имени на уровне языка. При этом степень переосмысления имени влияет на выбор словообразовательной модели и значение производного слова.

Литература

- 1) Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. — М.: Яз. рус. культуры, 1999. — XV, 895 с.
- 2) Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. — М.: УРСС, 2004. — 221 с.
- 3) Скрелина Л. М. Лекции по теоретической грамматике французского языка. В 2 ч. Ч. I. — СПб.: Златоуст, 1997. — 95 с.
- 4) Скрелина Л. М. Школа Гийома: психосистематика. — М.: Высш. шк., 2009. — 367 с.
- 5) Cormier M. C., Fontaine J. Les noms propres et leurs dérivés dans le vocabulaire de l'intelligence artificielle // TTR: traduction, terminologie, rédaction. 1995. Vol. 8. № 2. — P. 103-149.
- 6) Dictionnaire de la langue française. Lexis. Sous dir. de J. Dubois. — P.: Larousse, 1997. — 2109 p.
- 7) Leroy S. Les dérivés de noms propres dans le TLFi: quelles bases pour quels sens (le 16 février 2005). <http://corela.edel.univ-poitiers.fr/index.php?id=1146>.
- 8) Jonasson K. Le Nom propre. Constructions et interprétations. — Louvain-la-Neuve: Duculot, 1994. — 256 p.

В. Н. Бурчинский (Нижний Новгород)

СПОСОБЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ОБЪЕМА ПОНЯТИЯ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

The restriction category is realised in paradigmatic and syntagmatic plans. There are: relations of possession; qualification relations; relations between actants and circonstants; logic relations. Logic relations of restriction are specified at language level by sense of formal indicators within the limits of syntactic units. Kinds of a category of restriction, volume of notion and basic means of its expression in French language are analysed in the article.

В основе категоризации окружающего мира, классификации предметов и явлений, их систематизации, формирования концептов лежат психологические и мыслительные процессы, тесно связанные с речевой деятельностью. Процесс познания человеком окружающего мира исключительно сложен; он включает в себя различные этапы, формы, продукты отражения действительности. **Понятие** является одной из основных познавательных форм, характерной для интеллектуальной деятельности человека, той универсальной единицей, без которой мышление как таковое невозможно. Любая интеллектуальная операция основана на установлении отношений между понятиями, служащими материалом для построения суждений, которые, в свою очередь, лежат в основе любого сообщения.

В логике различают логические операции с понятиями, вследствие которых порождаются новые понятия, иногда с использованием уже существующих. Из понятий формируются суждения, при помощи которых в сознании фиксируются наличие или отсутствие у определенного объекта некоторого признака, различные состояния объекта, отношения между объектами. Структурная сложность суждения проявляется и в языке. Если понятие выражается словом или словосочетанием, то суждение в речи всегда представлено предложением. Второй тип логических операций — это операции над высказываниями, позволяющие составлять новые высказывания путем соединения более простых.

Важнейшими логическими характеристиками понятия считаются содержание и объем. **Содержание понятия** — это совокупность существенных и отличительных признаков предмета, качества или множества однородных предметов, отражённых в этом понятии. **Объём понятия** называется множество обобщённых в нём предметов. Например, под объёмом понятия «язык» подразумевается множество всех языков, существовавших и существующих в мире. Если родовое понятие «язык» обозначить символом *A*, то *Aa*, *Ab*, *Ac* и т. д. будут обозначать видовые понятия (русский, английский, немецкий, французский и т. д.). Такая совокупность понятий может быть получена путем присоединения к данному понятию разных признаков. Под объемом понятия, вне логики, можно назвать «множество предметов», которые мыслятся посредством данного понятия, обладают признаками понятия.

Существует **закон обратного отношения между содержанием и объёмом понятия**. Объём понятия может входить в объём другого понятия и составлять при этом лишь его часть. Например, объём понятия «французский язык» целиком входит в объём другого, более широкого понятия «язык». При этом содержание первого понятия оказывается шире в том смысле, что оно содержит больше отличительных признаков, чем содержание второго. Исходя из этого, упомянутый закон может быть переформулирован следующим образом: чем шире объём, тем проще его содержание, и наоборот. Отсюда существование родовых (гиперонимы) и видовых понятий (гипонимы).

Содержание и объем понятия могут изменяться в результате операций **обобщения и ограничения**, которые оформляются с помощью различных средств языка. Использование этих средств в конкретном языке представляет лингвистический интерес. Например, употребление прилагательного с существительным как бы добавляет новый признак к содержанию понятия и, увеличивая его, тем самым уменьшает его объем: «язык» — «иностранный язык», «категория» — «грамматическая категория» и т. п.

Обобщение понятий — логическая операция, посредством которой в результате исключения видового признака получается другое понятие более

широкого объема, но менее конкретного содержания; что обычно соответствует и переходу на более высокую ступень абстракции. При последовательном отвлечении от понятия *Аbc* одного за другим признаков каждый раз соответственно будет осуществляться переход к все более общим понятиям *Аbc, Аb, А*.

Ограничением понятия называется логическая операция, состоящая в прибавлении к содержанию понятия нового признака, наличие которого в содержании понятия сужает его объем. При этом исходное понятие будет родовым, а в результате его ограничения получается видовое понятие. Если отвлечение в качестве следствия имеет уменьшение содержания понятия, то ограничение снова вводит в содержание понятия те признаки, которые были отняты у него в результате отвлечения. От общего понятия *А* через ограничения мы переходим постепенно к понятиям *Аb, Аbc, Аbcd* и т. д.

Понятие обобщения не существует без отвлечения, уменьшения содержания исходного понятия. Понятие же ограничения предполагает увеличение содержания понятия. Оба эти противоположных друг другу логических действия осуществляются двумя способами. Так, ограничение понятий может быть осуществлено: 1) путем подстановки вместо видового признака понятия его видоизменения, например, *преподаватель истории* и *преподаватель современной истории*; 2) путем присоединения к содержанию понятия признака, который является видовым в соподчиненном понятии, например, *преподаватель истории* и *преподаватель истории и географии*. К операциям, которые связаны преимущественно с изменением *содержания* понятий, относятся: **ограничение; обобщение**. К операциям, которые связаны преимущественно с *объемами* понятий, относятся: **сложение; вычитание** (См. подробнее: Формальная логика).

В данном исследовании нас преимущественно интересует операция ограничения и способы ее реализации во французском языке. **Ограничение содержания** понятия может осуществляться как в парадигматическом, так и синтагматическом плане.

1. На **парадигматической** оси можно выделить следующие основные реализации:

1) замена гиперонима гипонимом; если в определенном контексте требуется уточнение, то слово *x* может быть заменено на слово *y*, которое входит в значение слова *x*, можно сказать, что слово *y* имеет более узкое значение и что оно включено (гипоним) в слово *x*, имеющее более общее значение (гипероним); так, например, такие отношения существуют между: именами: *fleur/rose*; действиями: *regarder/observer*;

2) замены в результате словообразовательных процессов: имена: *maison/maisonnette*; действия: *faire/refaire*; возвратность: *lever/se lever*;

3) детерминация (разные этапы актуализации, например, в понимании Г. Гийома): имя: *table/une table/la table*; глагол: *infinitif/subjonctif/indicatif* и др.

2. На **синтагматической оси**, где слова могут сосуществовать в одной позиции высказывания, вступая в определенные взаимосвязи, выделяют следующие типы отношений: отношения принадлежности (часть–целое), отношения квалификации, отношения между актантами и сирконстантами и логические отношения.

1) Отношения принадлежности (часть–целое) или отношения зависимости. Когда два слова могут быть связаны в определенном контексте показателями зависимости (предлог *de*, глагол *avoir* или посессивы), это означает, что одно из этих слов представляет собой часть другого, которое представляет целое: *le chapeau de l'homme, un chapeau d'homme*.

2) Отношения квалификации. Каждый раз, когда слово привносит семантическое уточнение другому слову, создавая подкласс, который имеет характеристикой это уточнение, можно сказать, что между этими словами устанавливается отношение квалификации: в *elle a des yeux bleus, bleus* характеризует *yeux* и создает, внутри класса *yeux, bleus*, подкласс *des yeux bleus*, особенностью которого и является *couleur bleue*. То же самое происходит в сочетаниях *une main forte, le train direct, une veste chaude* и т. д.

3) Отношения между актантами и сирконстантами. Когда слова (или группы слов) участвуют в описании какого-либо *действия*, можно говорить о том, что они ограничивают проявление данного действия связями с определенными актантами: *Pierre achète des roses à sa sœur*. или его реализацию во времени, в пространстве, в том, как оно происходит, т. е. связями с определенными сирконстантами: *Lundi Pierre arrive par avion à Paris*.

4) Логические отношения. Когда слова (или группы слов) рассматриваются с точки зрения их участия в мыслительных операциях, можно говорить о существовании между ними логических отношений, участвующих в выражении ограничения многих понятий: *Il est bon professeur, mais il ne sait pas corriger*.

В реальных речевых ситуациях различные типы описанных отношений могут пересекаться и взаимодействовать друг с другом [Charaudeau 1994: 49-60].

Более подробно рассмотрим языковые средства реализации, связанные в первую очередь с **ограничением объема** понятия. Так, в предложении *Tous les invités étaient là, sauf la marraine, qu'on attendait vainement depuis le matin* (Zola) объем понятия *invités* ограничивается отсутствующей *marraine*. Основной операцией, связанной с ограничением объема понятия, является **вычитание**. Во французском языке операция вычитания дифференцируется словами: *restriction* (ce qui restreint le développement, la portée de qqch.), *retranchement* (action de retrancher; suppression d'une partie), *soustraction* (action de soustraire, de retirer), *exclusion* (action d'exclure qqn, en le chassant d'un endroit où il avait précédemment sa place, ou en le privant de certains droits), *exception* (action d'excepter, ne pas comprendre dans) [Le nouveau Petit Robert].

Во французском языке ограничение понятия, связанное с операцией вычитания, может осуществляться при помощи разнообразных разноуровневых средств. Рассмотрим частный случай операции вычитания *exclusion* (исключение, изъятие; устранение):

1) префиксы: **for-** (*forclore, forfaire, forjeter, forcené, fourbu, fourvoyer*; чередующийся с *fau(x)*, в *faubourg, faux-filet, faux-fuyant, faufler*); **hors-** (*horsain, hormis (mettre)*, в многочисленных сложных словах *hors-bord, hors-champ, hors-concours, hors-cote, hors-d'œuvre, hors-jeu, hors-la-loi, hors-piste, hors-série, hors-service, hors-sol, hors-texte*); **extra-** (*extra-atmosphérique, extra-européen, extra-légal, extra-muros, extra-parlementaire, extra-terrestre, extra-territorialité, extra-vasculaire; extrabuccal, extracontinental, extracorporel*); **thyreo-** (*thyroglobuline, thyroïdope*) и его вариант *thyro-* (*thyroïde, thyroïdectomie*);

2) прилагательные: *exclu, extrinsèque; extérieur, externe, étranger; exclusif, incompatible, inconciliable*;

3) наречия: *exclusivement; seulement, uniquement; à l'écart, en dehors, à part*;

4) союзы: *et non, ou, ou alors, ou bien, ou (...) ou (...); soit (...), soit (...); excepté que, hormis que, hors que [litt.], à part que [fam.], sauf que, excepté que, si ce n'est que; à moins que, sinon que [vieilli]; excepté si, sauf si*;

5) существительные: *exclusion, exception, rejet; élimination, suppression; expulsion; refoulement; différence; non-appartenance; éradication, extirpation, extraction; arrachage, arrachement, enlèvement; spécialt: ablation, avulsion, énucléation, exérèse, extraction ou, vx, évulsion: arrachis, déracinement; exclusivité*;

6) предлоги: *excepté, fors [litt., vx], hormis, hors [litt.], sans, sauf; à l'exception de, à l'exclusion de, à l'exception de, à part, si ce n'est; abstraction faite de, compte non tenu de; nonobstant; hors de [suivi d'un inf., vx], à moins de, en dehors de; à part, à l'extérieur*;

7) глаголы: *exclure, excepter; faire abstraction de; négliger, ne pas tenir compte de; éliminer [fig.], laisser de côté, mettre de côté; mettre à part; chasser, écarter, rejeter, repousser [fig.]; enlever, extirper, ôter, sortir; dégager; détacher, prélever, prendre, tirer; exprimer; isoler; arracher, retirer; énucléer; déraciner, déterrer; refuser, rejeter; éconduire, renvoyer; mettre à l'écart, mettre de côté ou à part; mettre au rencart ou en quarantaine; exiler, expulser [Péchoin 1997]*.

Ограничимся примерами употребления только некоторых предлогов:

Indépendant de tout, fors de Dieu (Chateaubriand); — *Tu choisirais le jeudi (fors le 12 juillet et demain)* (Valéry); — *Il y a remède à tout, mon enfant, hormis à la mort* (Mérimée); — *J'attends vos ordres pour penser, écrire, vivre, tout hors aimer* (Staël); — *Aucun visage sur qui reposer ses yeux, dans cette foule, hors celui d'Anne; mais la joie enfantine de la jeune fille l'isolait*

de Thérèse ... (Mauriac); — *Point de femmes, **sinon** quelques paysannes qui viennent vendre leurs denrées* (Mérimee); — *Nous ne pourrons donc pas vous recevoir, **sauf** Marcel* (H. Bazin); — *Elle ne supportait aucune lecture, **en dehors des romans policiers*** (F. Mauriac); — *Sans le beau-père, ils étaient sept tous les jours à table* (Brunot); — *Il douta de tout, **excepté** de Dieu* (Renan); — *En somme, elles sont infidèles à leur époux avec le monde entier, **excepté avec les hommes*** (Giraudoux).

Интерес представляет также исследование исключения элемента из группы элементов, связь с которой отрицается. Исключение подразумевает выделение одного или нескольких элементов из группы элементов, с которой устанавливается отрицательная связь. Не подпадающий под отрицание выделенный элемент не противопоставляется другим, а является одним из составляющих группы: *Nous ne pourrons donc pas vous recevoir, sauf Marcel.* (H. Bazin); *Je n'ai pas de mémoire, sauf pour ce qui vient de vous.* (F. Mauriac).

При использовании грамматических конструкций с *rien* и *personne* исключение осуществляется из неопределенного (при отсутствии уточнителей) ничем не ограниченного множества: *...ici on ne voit personne, sauf le patron et sa mère...* (M. Arland); *Il ne parle pas, ne me raconte rien, sauf ses soucis d'argent, bien sûr!* (F. Sagan). В случае употребления отрицания *ne... pas, ne... point* группа объектов, из которой производится исключение, эксплицитно выражена. Исключаемый элемент, не подвергающийся отрицанию, не противопоставляется другим элементам и входит в группу: *Nous ne pourrons donc pas vous recevoir, **sauf** Marcel* (H. Bazin); — *Je n'ai pas de mémoire, **sauf** pour ce qui vient de vous* (F. Mauriac); — *Sans amis (j'étais trop pauvre pour en avoir), sans relations (**sauf** quelques fraîches relations d'affaires), je ne recevais jamais de visite* (H. Bazin).

В случае неопределенных отрицательных прилагательных группа объектов, из которой производится исключение, всегда упоминается: *Elle ne supportait aucune lecture, **en dehors des romans policiers*** (F. Mauriac).

Литература

- 1) Ивин А. А. Логика: Учебное пособие. Издание 2-е. — М.: Знание, 1998.
- 2) Свинцов В. И. Логика: Учебник для вузов. М.: Высш. шк., 1987.
- 3) Формальная логика. Под ред.: Чупахин И. Я., Бродский И. Н. — Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1977.
- 4) Charaudeau P. Grammaire du sens et de l'expression. — P.: Hachette, 1994.
- 5) Le nouveau Petit Robert, dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. — P., 2007.
- 6) Péchoin D. Thésaurus Larousse. Des Idées Aux Mots, Des Mots Aux Idées. — P.: Larousse, 1997.

О РОЛИ ИМПЕРФЕКТА В ФОРМИРОВАНИИ ТЕМПОРАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ВЕРТИКАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ РЕЧИ

L'objet de notre article est le contexte vertical, une unité superphrastique conceptuelle, sémantique et structurelle qui contient le discours indirect libre, comme moyen de traduire le discours d'autrui. Un des traits différentiels du contexte vertical est l'emploi de l'imparfait dans le fragment-apport. Le moyen de développer la particularité du support détermine la typologie du contexte vertical. La signification des verbes à l'imparfait y joue un rôle primordial.

Объектом нашего исследования является вертикальный контекст речи как особый концептуально-семантический и структурный вид сверхфразового единства (СФЕ), содержащий несобственно-прямую речь как способ передачи чужого высказывания. Изучение данного явления проводится в рамках теории психосистематики с применением методики векторного анализа, разработанной Г. Гийомом [Гийом 1992] и позволяющей наглядно демонстрировать динамическую характеристику языка, его единиц и систем. Такой подход к изучению вертикального контекста речи опирается на теорию концептуальной схемы предложения Л. М. Скрелиной. Л. М. Скрелина рассматривает предложение в процессе актуализации как динамическое образование во времени своего формирования. Это время совершения в человеческом сознании психических операций соотнесения двух элементов концептуального уровня (опоры и вклада, или признака) при помощи семантического механизма инциденции [Скрелина 1980].

В вертикальном контексте речи на концептуальном уровне опора принадлежит первому предложению (высказывание передающего субъекта). Признак заключен в последующих предложениях, формирующих развертывающий фрагмент, содержащий несобственно-прямую речь как способ передачи чужого высказывания (высказывание говорящего субъекта) [Кузнецова 2007].

Изучение вертикального контекста речи не ограничивается исследованием его концептуального уровня. Семантический уровень анализа вертикального контекста речи предусматривает изучение отношения (экзистенциального, статального, локального, реляционного, акционального, квалификативного) развертывающего фрагмента к опоре вертикального контекста. Семантика глаголов оказывает влияние на соотношение начального предложения и предложений развертывающего фрагмента, определяя тем самым типологию вертикального контекста.

Поверхностный уровень анализа вертикального контекста речи имеет целью анализ семантико-синтаксической структуры предложений. Здесь из-

учается порядок слов, анализируются лексические особенности и синтаксические функции элементов тождества референции, выявляются синтаксические функции элементов коммуникативной связности (актуальное членение), изучаются лексические и синтаксические способы выражения субъективной модальности. К поверхностному уровню анализа вертикального контекста принадлежит также изучение темпоральных отношений между предложениями вертикального контекста. В вертикальном контексте константным свойством является употребление имперфекта (*imparfait de l'indicatif*) в предложениях, формирующих развертывающий фрагмент. Имперфект передает время развертывания признака к опоре в том же временном интервале, который представлен в первом предложении и выражен глагольным сказуемым в *passé simple* [Кузнецова 2007: 27].

Во французском языке имперфект представляет собой сложную для анализа временную форму по причине многообразия его употреблений. Значение имперфекта определяется как временное (настоящее в прошедшем), как видовое (длительный вид) или как модальное (нереальность действия). Особое понимание сущности временной формы имперфекта представлено в работах по психосистематике Г. Гийома [Guillaume 1969; 1982] и его последователей.

Согласно теории Г. Гийома, в значении имперфекта следует выделять две частицы — инциденцию (*incidence*, или — *partie d'inaccompli, perspective*) и декаденцию (*décadence*, или — *partie d'accompli, rétrospective*) [Guillaume 1969: 214; 1982: 203]. Уровень инциденции несет идею прихода, совершаемости действия, а уровень декаденции — идею ухода, совершенности действия. Р. Вален, ученик и последователь Г. Гийома, наглядно демонстрирует следующие сферы употребления имперфекта в зависимости от той части, которую занимают частицы инциденции и декаденции в объеме рассматриваемой временной формы: а) там, где частицы инциденции и декаденции занимают равные части объема имперфекта, речь идет о временной форме, используемой для выражения одновременности в плане прошедшего, для выражения действия в плане настоящего в прошедшем (*Quand j'entrai, il lisait*); б) там, где частица инциденции мала, а основную часть объема имперфекта занимает частица декаденции, имеет место использование имперфекта в качестве ситуационной формы прошедшего времени (*Au moment de son abdication, Edouard VIII régnait depuis quelques mois seulement*); в) там, где частица инциденции очень велика, а частица декаденции, хоть и занимает малую часть объема имперфекта, но все же сохраняется, речь идет об использовании имперфекта для выражения действия в плане будущего в прошедшем (*Le lendemain, je recevais une lettre de mon frère*) [Valin 1964: 44].

Таким образом, поясняет Л. М. Скредина, граница между частицами инциденции (условно: «еще») и декаденции (условно: «уже») подвижна. Если

эта граница мыслится ближе к началу обозначенного имперфектом действия, то «еще» будет объемнее частицы «уже»; напротив, если она мыслится ближе к концу обозначенного имперфектом действия, то на частицу «еще» останется незначительное пространство и тогда имперфект будет равен простому претериту. В этом Л. М. Скредина усматривает стилистическую силу имперфекта [Скредина 2009: 231-232].

В изучаемом нами вертикальном контексте, содержащем несобственно-прямую речь как способ передачи чужого высказывания, мы сталкиваемся со сферой (а) использования имперфекта, когда частицы инцидентии и декадентии занимают равные части его объема. Речь идет об употреблении типичного для несобственно-прямой речи во французском языке имперфекта в относительном значении, возникающем, если точкой измерения времени является не момент речи, а временной план соседних предложений. В этом случае при употреблении формы прошедшего времени несовершенного вида (имперфекта) вместо формы настоящего времени реально функционирует лишь видовое значение временной формы, а временной признак, присущий этой форме, не несет функций.

Еще Ш. Балли указывал, что употребление в несобственно-прямой речи формы прошедшего времени является результатом так называемой аттракции (притяжения настоящего времени «чужой речи» со стороны прошедшего времени авторского повествования), но не вызвано необходимостью выразить значение прошедшего времени [Bally 1912: 599-604]. Вслед за Ш. Балли на относительность значения имперфекта («*imparfait par attraction*») и его роль в создании субъектного плана говорящего в несобственно-прямой речи указывают многие французские лингвисты (R. Wagner, J. Pinchon; Le Bidois; P. Ricoeur; D. Maingueneau; B. Valette и др.). Таким образом, во французской художественной прозе относительное значение имперфекта, употребленного с точки зрения персонажа (говорящего субъекта), является в несобственно-прямой речи средством выражения его мысли, тесно вплетенной в повествование автора (передающего субъекта).

Сказанное выше позволяет нам сделать следующее заключение об использовании временной формы имперфекта в вертикальном контексте речи, содержащем несобственно-прямую речь как способ передачи чужого высказывания. Имперфект является временной формой, типичной для несобственно-прямой речи во французском языке: здесь он приобретает относительное значение и служит для выражения одновременности в плане прошедшего. Употребление имперфекта является константным свойством вертикального контекста речи: он передает время развертывания признака к опоре, создавая единую для всего контекста временную плоскость. Характер развертывания признака начального предложения определяет типологию вертикального контекста на поверхностном уровне, что обусловлено семантикой глаголов в имперфекте.

Литература

- 1) Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. Общ. ред., послесл. и коммент. Л. М. Скредлиной. — М.: Прогресс, 1992. — 224 с.
- 2) Кузнецова Т. Я. Вертикальный контекст как вид сверхфразового единства во французском языке (когнитивный аспект). — Архангельск: Арханг. гос. техн. ун-т, 2007. — 248 с.
- 3) Скредлина Л. М. О концептуальной схеме предложения // Проблемы синтаксиса простого предложения: Сб. науч. тр. Отв. ред. Л. М. Скредлина. — Л.: Изд-во ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1980. — С. 61–71.
- 4) Скредлина Л. М. Школа Гийома: психосистематика. — М.: Высшая школа, 2009. — 367 с.: ил.
- 5) Bally Ch. Le style indirect libre en français moderne // Germanisch-Romanische Monatsschrift. IV. Herausgegeben von H. Schröder. — Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1912. — S. 549-556; 597-606.
- 6) Guillaume G. Langage et science du langage. — 2-e éd. — P.: Nizet; Québec: Presses de l'Univ. Laval, 1969. — 287p.
- 7) Guillaume G. Leçons de linguistique de Gustave Guillaume. 1948-1949. Grammaire particulière du français et grammaire générale (IV). T. 3. — 2-e éd. — Québec: Presses de l'Univ. Laval, 1982. — 292 p.
- 8) Valin R. La méthode comparative en linguistique historique et en psychomécanique du langage // Cahiers de psychomécanique du langage. № 6. — Québec: Presses de l'Univ. Laval, 1964. — 57 p.

Е. М. Дорогайкина (Красноярск)

ТЕОРИЯ НОМИНАЦИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Particular attention is given to the problems connected with studying of the theory of a nomination, in the linguistic literature. The nomination is object of the analysis not only in traditional linguistics, but also in psychology, cultural science, philosophy, and other sciences. Considerable development the nomination theory has received in the XXth century.

Проблемам, связанным с изучением теории номинации, в лингвистической литературе уделяется особое внимание. Номинация является объектом анализа не только традиционной лингвистики, но и психологии, культурологии, философии, социосемиопсихологии, аксиологии и других наук. О номинации известно с античных времен. Античные мыслители Аристотель, Гераклит, Демокрит, Платон, Августин понимали механизм номинации

как сложное многообразие соотношений между словом, вещью и понятием. У философов Эллады — Кратила и Гермогена обсуждался вопрос об истинности имени: присуще ли вещи ее собственное имя или же каждое слово не принадлежит по природе самой обозначаемой вещи, а является лишь результатом договоренности.

В «Поэтике» Аристотеля объектом внимания становятся разновидности имен, выбор имен в речи, измененные слова, необычные слова, эпитеты, метафоры и другие связанные с номинацией понятия [Аристотель 2000: 168-171]. По мнению Н. Н. Лыковой, Аристотель в своем труде «Об истолковании» дал нам свое определение понятию имя: «Имя есть звук с условным значением, без отношения ко времени, отдельная часть которого ничего не обозначает <...> От природы нет имен; они получают условное значение, когда становятся символом, ибо ведь и нечленораздельные звуки поясняют собою нечто, как, например, у животных, хотя ни один из этих звуков не есть имя...» [Цит. по: Лыкова 2010: 24-26].

Если выразить содержание античных воззрений на номинацию философов Древней Эллады в современных терминах и понятиях, то оно сведется к трем основным вопросам: 1) соотношение человеческого языка и познания, 2) характер связи имени и обозначаемого предмета, 3) наличие у членов языковой общности инвариантного представления об именуемой вещи [Уфимцева 1977: 9].

В Средние века вопросы номинации и их различная интерпретация стали объектом внимания последователей номинализма, философского направления, зародившегося в XI веке, представителями которого являются Росцеллин, Оккама, Буридан. Номиналисты Средневековья считают, что если окружающий мир обладает объективным существованием независимо от именуемого субъекта, равно как и означающих звуков, то никакое имя не может мыслиться неотъемлемой частью именуемого, орудием господства, управления именуемым. Весь мир есть то, что он есть в силу его сотворенности таковым, а не в силу его познанности и названности: мир здесь первичен, он существует до имени, именующего и независимо от него. Между объектом и его именем неизменно стоит тот, единственно ради кого имя существует. Установитель и интерпретатор имени — человек. Всякое имя связано не непосредственно с сущностью именуемого, а с тем, что в этой сущности познано и названо человеком. Только поэтому у заведомо несуществующих построений человеческой фантазии, каких-нибудь многоруких, многоглавых драконов, дышащих пламенем, говорящих человеческим голосом, тоже есть имена, ничем не отличающиеся от всех прочих знаков: ведь человек может изобретать как полезное, так и вредное, именовать как истинное, так и ложное, источник любого творчества один — разумность.

Средневековые ученые выработали учение об универсалиях, т.е. общих понятиях. История изучения универсалий восходит к очень далеким

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru